

Регент из-за сегодняшнего плана по ликвидации последствий бедствия решил не присутствовать на сегодняшнем банкете, и сам того не ведая, Тао Янь разрушил встречу главных героев.

Процветающая империя, мир и спокойствие, песни и танцы.

Нынешний Дасин внешне всё ещё казался могущественной великой державой, вот только тысячелестая дамба рушится от муравьиной норы, и точильщиков в великом государстве хватало с избытком.

Впрочем, погруженные в празднество люди не замечали этих проблем.

— Прибыл Ваше Величество! — пронзительный голос евнуха обладал огромной пробивной силой, и только что шептавшиеся министры тут же затихли.

В конце концов, предстояло всего лишь поужинать, поэтому к этикету относились не столь строго: всем было достаточно просто поклониться, опускаться на колени не требовалось.

Когда Тао Янь остановился на месте и обратился к стоявшим внизу гражданским и военным чинам:

— Сегодня праздничный банкет, не нужно излишне сковываться, все встаньте.

— Благодарим Ваше Величество, — ответили присутствующие.

На залитой огнями высокой платформе всем показалось, что Тао Янь выглядит как-то иначе: по сравнению со своим обычным болезненным видом сегодня цвет его лица был значительно лучше.

Самое интересное начиналось после трех чарок вина, и наконец наступил звездный час, когда на сцену должна была выйти главная героиня.

Просто шествовать по помосту было неинтересно, и главная героиня, обладавшая первоклассным мастерством владения мечом, по идее должна была поразить регента танцем с мечом, но из-за появления Тао Яня выступление заменили игрой на пипе.

Тем не менее, главная героиня оставалась главной героиней — за что бы она ни бралась, всё делала великолепно. Даже несмотря на то, что пипа не была её профильным инструментом, она всё равно сумела изумить всех присутствующих.

Возможно, из-за эффекта бабочки небеса почему-то невзлюбили главную героиню: когда мелодия уже подходила к концу, струна пипы внезапно лопнула, и звонкий звук вывел

погруженных в музыку людей из оцепенения.

Эту сцену можно было описать одной фразой: атмосфера мгновенно погрузилась в неловкое молчание.

Лю Сиси сохраняла относительное спокойствие и изо всех сил пыталась придумать способ спасти положение.

Дзынь, дзынь, дзынь — в тихом зале внезапно раздался стук палочек о пиалу, и, проследив за звуком, все увидели, что это Тао Янь стучал серебряными палочками по посуде, точно попадая в такт только что неожиданно оборвавшейся мелодии.

Он отстукал лишь короткий фрагмент, идеально завершив композицию.

Раз уж сам император выручил её, министры тоже не могли ударить в грязь лицом — они принялись наперебой хвалить Лю Сиси, заодно восхищаясь прекрасной парой, которую составляли Лю Сиси и Тао Янь.

Лю Сиси прибыла для заключения мира через брак, и хотя она была на три года старше императора, раз император оказался доволен, остальные не стали бы болтать лишний раз. К тому же император вечно сторонился женщин, а регент и вовсе не состоял в браке, из-за чего в императорском роду долгое время не было потомства, и эта группа старых сановников сильно переживала, глядя на всё это.

В этот момент все уже мысленно подбирали благоприятные дни для свадьбы. Если пригласиться к Лю Сиси и Тао Яню, они вполне стоили друг друга: Лю Сиси, будучи главной героиней, обладала безупречной внешностью и температурой, а Тао Янь, хоть из-за слабого здоровья вечно выглядел слегка болезненным, но столько лет пробыв императором — пусть и без реальной власти, — всё же сохранял толику истинно монаршего величия.

Присмотревшись ещё внимательнее, министры — то ли почудилось им, то ли нет — неожиданно обнаружили, что Лю Сиси и Тао Янь похожи друг на друга на добрые три десятых.

Лю Сиси испытывала глубокую благодарность к Тао Яню за то, что тот спас положение, однако это ничуть не мешало её планам прибрать Дасин к рукам.

Она подняла взгляд на Тао Яня, и в её глазах читалась смесь нежности и признательности. Ни один мужчина не смог бы вынести такого взгляда красавицы — Лю Сиси намеренно соблазняла Тао Яня.

Вот только Тао Янь был увлечен мужчинами, и все старания главной героини летели прахом. Он по-прежнему выглядел слабым и хрупким, с живым интересом наблюдая за главной героиней, и в его взгляде читалось лишь восхищение без малейшего намека на вожделение.

Лю Сиси была потрясена таким взглядом. Будучи героиней романа Мэри Сью, она привыкла, что все особи мужского пола при виде неё невольно поддаются очарованию, и появление столь неожиданного Тао Яня застало её врасплох, впрочем, это замешательство быстро сменилось другим потрясением.

Пожалуй, сильнее всего внешность Тао Яня поразила именно Лю Сиси: глядя на его лицо, она едва сдерживала охватившие её эмоции.

Министры же тем временем постепенно привыкли — сходство было лишь частичным, так что, слегка удивившись поначалу, они больше к этому не возвращались.

Таков был уровень мастера макияжа мирового класса: хотя черты лица совпадали лишь на три десятых, создавалось ощущение, что эти двое во всём похожи друг на друга и в то же время во всём различаются... то есть, во всём отличаются.

Банкет продолжался. Лю Сиси долго молчала, и Тао Янь, разумеется, должен был вмешаться, чтобы разрядить обстановку.

— Мелодия принцессы прекрасна и изысканна, словно эхо в пустом ущелье. Даровать ей место и награду.

Лю Сиси, приготовившая целую речь, не произнесла ни слова — весь вечер она то и дело бросала взгляды на Тао Яня.

Тао Янь добросовестно играл роль императора, лишённого реальной власти.

Клан Чжао нынче вел себя нагло до предела, и в такой момент непослушный младший сын клана Чжао непременно должен был явиться, чтобы подиграть своему кузену-императору.

Пятнадцатилетний Чжао Тяньэнь подошел к Тао Яню с бокалом вина. Не выразив почтения и не поприветствовав государя, он уселся прямо рядом с Тао Янем, поднял кубок и заявил:

— Кузен, я выпью за твоё здоровье.

К подобным выходкам все уже давно привыкли, тем более что регент отсутствовал, некому было навести порядок, а клан Чжао в последнее время сильно притеснялся регентом — огребая неприятности от Ян Хуаня, они могли выместить злость и покрасоваться только здесь, перед Тао Янем.

В конце концов, нынешнее положение императора всё же держалось на клане Чжао, поэтому Тао Янь изобразил на лице видимость затруднения, но всё же поднял кубок и осушил его до дна.

Здоровье Тао Яня оставляло желать лучшего, он годами пил всевозможные целебные отвары, и вино для него находилось под строжайшим запретом. Раньше он никогда не притрагивался к спиртному, и оттого, что выпил вот так, да еще и в спешке, его неизбежно поперхнуло.

Обжигающая жидкость обожгла горло, и Тао Янь зашелся в непрерывном кашле:

— Кхе-кхе-кхе, кхе-кхе-кхе.

Из-за раздражения от алкоголя уголки его глаз покраснели, и этот заплаканный, словно цветки груши под дождем вид вызывал жалость.

Чжао Тяньэнь, глядя на растоптанного им императора, испытывал величайшее удовольствие — в нем даже зародилось ощущение, будто он сам и есть император, а этот правитель совершенно никуда не годится, и место на троне и впрямь следовало бы уступить ему.

Осмелев еще больше, он закинул руку на шею Тао Яню и силой влил в него еще три чарки вина. Канцлер Чжао, видимо, посчитав это перебором, решил вмешаться:

— Тяньэнь, как ты смеешь вести себя столь распущенно, а ну марш отсюда!

И правда: сотворив столь возмутительную вещь, он велел Чжао Тяньэню лишь удалиться, а не принести извинения.

Сидевшие внизу чиновники из лагеря клана Чжао наблюдали за происходящим с нескрываемым злорадством, приверженцы регента из-за отсутствия самого хозяина не решались высказывать мнение, а преданная Партия защитников императора... таковых практически не имелось, а если кто и находился, то лишь гневался в душе, не смея пикнуть.

<http://bllate.org/book/26041/3117973>